

По мнению автора этого небольшого исследования, «ключ психоанализа» раскрывает все загадки характера и творчества Достоевского. Таким «ключом», по его мнению, является тот психоаналитический случай, который в терминологии фрейдизма обозначается, как «комплекс Эдипа». Под этим термином понимается влечение мальчика устранить отца и стать вместо него мужем своей матери, т. е., по мнению психоаналитиков, первый объект сексуального влечения всякого ребенка—родитель другого пола. Основываясь на несомненной биографической черте—приязни Достоевского к нежной, кроткой и больной матери, рано умершей, и на одновременной вражде его к жестокому, властному и скупому отцу, убитому крепостными за жестокое обращение, Нейфельд строит свое толкование о Достоевском-Эдипе. Сложный характер писателя и все его творчество вытекают, по мнению исследователя, целиком из эротического и кровосмесительного влечения. Революционная деятельность Достоевского в молодости и его консервативные убеждения в старости, патриотизм Достоевского и его интерес к православной церкви, история увлечений писателя и методы его литературной работы, его страсть к азарту и его отвращение к алкоголю—решительно каждая черта его биографии непременно «возникает из комплекса Эдипа». Далее то, что «Достоевский никогда не писал, если ему не было уплачено вперед», оказывается, можно объяснить тем же ключом: «с явным удовольствием берет он аванс под свои произведения» и проч. Не проще ли обратиться здесь от психоанализа к вопросам экономики? Но исследователь неуступчив: «комплекс Эдипа приводит Достоевского в острог и этот же комплекс дает ему возможность выдержать тюремное наказание» и проч. Волшебный ключ подходит решительно ко всем дверям!

Но среди явных натяжек и ошибок (к последним относятся указания на то, что Достоевский оставался «воздержным» до 40 лет; что мы нигде не находим у него описаний Москвы, которые имеются, как известно, в «Подростке»; что

первая жена должна была бы относиться к нему, как к признанному «великому писателю и пророку»—это в 50-ых и в начале 60-ых годов!—что имя Даровое было родовым и т. д., и т. д.) заслуживает полного внимания первое указание на автобиографичность «Карамазовых», как «большого романа отцеубийства». Это очень важное для истории жизни и мысли Достоевского указание. В романе мы находим ряд неразрешенных аналогий с действительной историей убийства старика Достоевского: Федор Карамазов сильно напоминает его характер (это отмечалось уже дочерью писателя Любовью Достоевской), у него четверо сыновей, как и в семье Достоевских, название их имени буквально воспроизводится в романе, каждый из братьев Карамазовых носит явственные отражения личности писателя; к этому нужно присоединить, что сам он постоянно ощущал бремя какого-то преступления, тяготевшего над ним и т. д., и т. д. И, если верить дочери Достоевского, что в Иване Карамазове он имел в виду дать собственное изображение, можно заключить, что в своем последнем романе писатель словно бессознательно хотел сказать: «Это я из ревности и жадности убил отца в Чермашне, хотя я сам и не держал ножа».

Если отдельные замечания Нейфельда не лишены, таким образом, интереса, в общем они страдают общим недостатком всех «медицинских» книг о писателях—подменной главной темы и основного материала второстепенным. Нельзя не согласиться с редактором перевода (кстати сказать, весьма небрежного, приводящим цитаты из Достоевского или Страхова в переводе с немецкого!), что знаменитого романиста необходимо изучать в условиях исторической обстановки, социального уклада, борьбы литературных школ и направлений. Все это несравненно более способствует пониманию Достоевского, чем сложные ухищрения психоанализа.

Л. Г.

М. Е. Салтыков-Щедрин. Письма 1845—1899. С приложением писем к нему и других материалов. Под ред.

Н. В. Яковлева. при участии Б. Л. Модзалевского. Труды Пушкинского Дома при Российской Академии Наук. Ленгиз. 1924. Стр. VIII+329+37. Ц. 3 р. 50 к.

Литературная переписка Салтыкова огромна. Издание полного собрания его писем,—говорит в своем предисловии редактор,—«было бы в настоящий момент несвоевременным по условиям государственно-хозяйственным». Собрание писем Салтыкова, изданное трудами Пушкинского Дома, «имеет целью дать основу для будущего полного собрания». Письма, данные в сборнике, охватывают почти всю жизнь Салтыкова-писателя. В этих письмах (их более трехсот) заключается богатейший материал для познания биографии и творчества Салтыкова и его эпохи. По письмам устанавливается ряд новых статей Салтыкова, напечатанных анонимно, и вскрывается история создания некоторых его произведений. Большой интерес представляют литературные и общественно-политические отзывы и суждения Салтыкова, щедро рассыпанные в его письмах, острые и выразительные, пощелрински образные и меткие.

Чрезвычайно интересна восторженная характеристика Тургенева, сделанная Салтыковым в 1859 г. после прочтения «Дворянского гнезда», в каждом звуке которого разлита «светлая поэзия». «Да и что можно сказать о всех вообще произведениях Тургенева? То ли, что после прочтения их легко дышется, легко верится, тепло чувствуется? Что ощущаешь явственно, как нравственный уровень в тебе подымается, что мысленно благословляешь и любишь автора»... Но восторженное отношение Салтыкова к Тургеневу с годами становится холоднее. В 1876 году он пишет: «Тургенев—писатель субъективный, и то, что не выливается прямо, выходит у него плохо». А через год Салтыков, говоря о тургеневской «Нови», дает не только холодную, но резкую и злую оценку этого произведения. «Роман этот показался мне в высшей степени противным и неприятным... Я совершенно искренно думаю, что человек, писавший эту вещь, выжил из ума, во-вторых, потерял всякую потребность какого-либо нравственного

контроля над самим собой. Начать хоть с внешней стороны: это—не роман, а бесконечная случайная болтовня, которую можно начать с какого угодно места и где хотите кончить... С внутренней стороны это вещь еще более слабая. Лица консервативной партии (Сипягин, Коломейцев) описаны с язвительностью, напоминающей куаферское остроумие... Что же касается до так называемых новых людей, то описание их таково, что хочется сказать автору: старый болтунище! Ужель даже седые волосы не могут обуздать твоего лганья? Перечтите паскудные сцены переодевания, сжигания письма, припомните, как Нежданов берет подводу и вдруг начинает революцию, как идеальный Соломин говорит: делайте революцию, только не у меня во дворе... Все это можно писать лишь впавшим в детский возраст»...

Резок и жесток отзыв Салтыкова об «Обломове» Гончарова, сделанный им в письме 1859 г. к Анненкову: «Прочел «Обломова» и, по правде сказать, обломал об него все свои умственные способности... Бесспорно, что «Сон»—необыкновенная вещь, но это уже вещь известная, зато все остальное—что за хлам! Что за ненужное развитие Загоскина! Что за избитость форм и приемов! Но если нам, читателям, делается тяжело провести с Обломовым два часа, то как же было автору проваландаться с ним 9 лет! И спать с Обломовым, и есть с Обломовым, и все видеть и видеть перед собой этот заспанный образ, весь распухший, весь в складках, как будто на нем сидел антихрист!»... Резкий отзыв дает Салтыков (в письме 1875 г.) о французской школе натуралистов—Золя и Гонкуров: «Это не романисты, а пакостники». Ценно автобиографическое признание Салтыкова о Гейне: «Для меня,—пишет он в 1859 году,—это сочувственнейший из всех писателей. Я еще маленький был, как надрывался от злобы и умиления, читая его».

Краткие и выразительные отзывы даны о комедиях Островского и о многих произведениях народников-беллетристов. Письма Салтыкова дают много ценного для изучения жизни и творчества целого ряда пи-

сателей, его современников: Тургенева, Толстого, Анненкова, Некрасова, Михайловского, Плещеева, Успенского, Чернышевского, Добролюбова, Слепцова, Решетникова и друг.

В изобилии в письмах горькие жалобы русского писателя на гнет и неистовство цензуры. «Человек, повитый и воспитанный цензурой» — говорит Салтыков о Некрасове и развивает эту мысль, с горечью говоря о себе: «если мои вещи иногда страдают раздвоенностью, то причина этого очень ясная: я — Эзоп и воспитанник цензурного ведомства».

«Я — литератор до мозга костей» — характеризует себя Салтыков, оставивший сыну своему, как известно, завещание «паче всего любить русскую литературу и звание литератора предпочитать всякому другому». Любопытно краткое, в одну строку, письмо Салтыкова в комитет Литературного фонда с предложением в члены своего восьмилетнего сына, который, действительно, и был избран. «Таким образом, — замечает комментатор, — перед нами любопытный образчик соединения старо-дворянских традиций, согласно которым было принято записывать сыновей в гвардейские полки чуть ли не со дня рождения, и радикально-народнического преклонения перед русской литературой».

Изданы письма очень тщательно (по подлинникам, с соблюдением всех особенностей орфографии Салтыкова) и снабжены краткими и вместе с тем обстоятельными примечаниями, указателем имен и адресатов. Кроме того, приложен перечень ранее напечатанных писем Салтыкова и даны три редких его портрета.

Н. Ашукин.

В. Комарович. Достоевский. Издание т-ва «Образование». Ленинград 1925. 64 стр. Ц. 40 коп.

Не скажу, чтобы книжка произвела яркое впечатление.

Написана она молодым, но продуктивным, осведомленным и чутким исследователем, опубликовавшим десятки ценных работ о Достоевском и по биографии, и по изучению текстов, и по идеографии, и по приемам творчества. С другой стороны, книжка включена в серию «Совре-

менные проблемы историко-литературного изучения», — стало-быть, обязывалась подвести точные итоги прежней литературе о Достоевском и твердо определить задачи дальнейших изысканий. И то и другое одинаково своевременно и полезно. Прежняя литература обширна и очень пестра: много хорошего, крупного, но много и всякой дребедени. Толковый путеводитель по ней как нельзя более уместен. А затем замечательные новейшие публикации поэтических текстов и писем Достоевского, воспоминаний и дневников его жены Анны Григорьевны, и других документов и наряду с этим огромный сдвиг в наших общих научно-исторических взглядах и методах, совершающийся теперь, — все это требует нового пересмотра художественного наследия Достоевского и его исторической значимости. Ни Гончаров, ни Тургенев, ни Толстой не имеют теперь такой актуальности, как именно Достоевский, и его огромное влияние на Западе, как и напряженное внимание к нему в Советской России — об этом красноречиво свидетельствуют. Существенно важно поэтому осознать и формулировать проблемы и методы новых исследований, учтя все приобретения нашего времени.

Ни итоги, ни проблемы не установлены в разбираемой книжке с достаточной четкостью и глубиной.

Неясно, какими хронологическими пределами ограничивает свой обзор В. Л. Комарович. Иногда он захватывает и довоенное время, — что и правильно. Однако, старая, дореволюционная литература констатирована неполно и как-то случайно.

Затем в распределении материалов не выдержана система. Неясно, напр., почему книга В. Астрова 1914 года излагается после книги Ювия Никольского 1921 г.

Оценка и характеристика у Комаровича часто туманны, уклончивы. Вот он хочет осведомить читателя о статье Э. Радлова «Соловьев и Достоевский», — и мы читаем: статья, «кратко пересказывая внешнюю историю личных сношений Достоевского с Соловьевым, уясняя затем характер их взаимного обаяния («Достоевский искал... в Соловьево